

Елена Лаевская

Иллюстрации **Елены Станиковой**

Мы дружили с детства

Мы дружили с детства: вышли из одной песочницы: Мишка Толстопуз, Олежка и я.

Вместе лепили куличики, препарировали игрушечным совочком дождевых червей, играли с пацанами в войнушку и с девочками в веревочку. Олежка и я ходили в один детский сад, Мишку пасла бабушка.

Вместе пошли в первый класс. Олежка с Толстопузом в «А», я в «Б». По поводу того, кто лучше, ашки или бэшки, скоро на заднем дворе школы случилась драка. С тремя оторванными пуговицами и одной разбитой губой. Теперь смешно вспоминать.

На выцветших черно-белых фотографиях в пыльных альбомах мы сидим обнявшись, со скорбно сжатыми губами.

Мишкина мама сказала, что отсутствие передних зубов — некрасиво, и мы приняли это всерьез.

К десяти годам Олежка был самым высоким из нас, Мишка — играющим на пианино, а я самым читающим.

Казалось, что так будет всегда.

А потом случилось вот что: нам с Мишкой стало тесно в детстве. Я и Толстопуз торопились стать подростками. С ломающимися голосами, прыщавыми подбородками, неясным томлением в душе. Нам хотелось поскорее ухватить свою долю самостоятельности и, уж так и быть, принять на плечи часть взрослых дел.

А Олежка сказал: «Мне это не нужно». И перестал расти. Остался щуплым мальчишкой мне по плечо, с горстью пластмассовых солдатиков в кармане и ключом от квартиры на шее.

Толстопуз в жестоких боях отвоевал себе право бросить музыку, я — возвращаться домой после двенадцати. Олежка продолжал получать в подарок разноцветные игрушечные машинки.

Я поступил в институт, влюбился, бросил учебу, ушел в армию, Толстопуз женился. Олежка смотрел по телевизору мультики и покупал в киоске мороженое на выданные родителями монетки.

Наш друг легко менял школы и приятелей — Олежкины родители все время переезжали, чтобы избежать вопросов о невзрослеющем сыне. Но со мной и с Мишкой связь старались не терять: мы были единственными, кто знал их секрет.

Олежкины родители приводили Олежку на мои дни рождения. Тот сидел за столом, ковырялся в салате оливье. Белобрысый, ясноглазый, худенький. А мы все вокруг — погрузневшие, с морщинками вокруг глаз, с первой сединой.

Олежка выглядел обиженным: ему было скучно рядом с обычными детьми, но и рядом с нами было невесело.

Наверное, он считал нас с Мишкой предателями.

По своей собственной воле он застрял в межсезонье, но упрямо не собирался его покидать.

По выходным я водил сыновей на прогулку. Мы часто заходили за Олежкой. Прохожие считали, что у меня три сына.

У Мишки было две дочки. Маленькими, они гордо вышагивали, держа Олежку за руки, а в тринадцать отгоняли его подальше, шепотом делясь друг с другом своими девчачьими секретами.

Олежка получил двухколесный велосипед и право пользоваться компьютером два часа в день. Мишка открыл свой бизнес. Катаясь на лыжах, я сломал ногу, и повзрослевшие сыновья два километра несли меня на руках до ближайшей деревни.

В одночасье умерли Олежкины родители. Похороны организовывали мы с Толстопузом. Олежка забрался с ногами на диван, утирал слезы и сопли и грыз шоколадку, сунутую ему моей женой.

Мы дали слово Олежкиным родителям, что не бросим его одного. Он жил по очереди то у Мишки, то у меня. Я ходил на школьные собрания, делал с Олежкой уроки, покупал рубашки и кроссовки, следил за тем, чтобы он мыл ноги перед сном.

Мишка водил Олежку к зубному врачу и в магазин игрушек.

Выросли и ушли из дома мои сыновья, разлетелись по свету Мишкины дочки.

Захотелось немного пожить для себя, а по квартире продолжал бегать вечный десятилетний пацан.

— Слушай, — прижали мы Олежку, — давай вырастай, а?

— Не хочу, — выкрутился из наших рук Олежка. — И с вами быть не хочу, раз вы такие. Буду один. Или что-нибудь придумаю.

И он придумал.

Через несколько дней гордый Олежка показал нам объявление в газете. Там черным по белому было написано: «Питер Пэн, прилетай и заведи меня в Нетландию. Очень надо».

Мы с Мишкой только плечами пожали.

А наутро Олежки в комнате не оказалось. Дверь в квартиру была заперта изнутри, окно распахнуто настежь. На полу валялись парик из темного конского волоса и рваная кружевная манжета, а на мебели виднелись царапины, оставленные каким-то металлическим предметом.

Как будто нашего друга утащил капитан Крюк.